

КЛЭР МАКГОУЭН

ЭТО МОГЛИ БЫТЬ МЫ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
М15

Claire McGowan
THIS COULD BE US
Copyright © Claire McGowan, 2023
The moral right of the author has been asserted
All rights reserved

Перевод с английского Павла Смирнова
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Макгоуэн К.

М15 Это могли быть мы : роман / Клэр Макгоуэн ; пер. с англ. П. Смирнова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 544 с. — (Гербарий).

ISBN 978-5-389-27113-5

Энергичная и амбициозная Кейт упорно строит идеальную жизнь, но рождение второго ребенка с серьезными отклонениями в развитии ломает все планы... Промучившись пять лет, опустошенная, внутренне сломленная, Кейт понимает, что сил у нее больше нет, и... сбегает от семьи за океан, в Лос-Анджелес. Оставленный ею муж Эндрю продолжает заботиться о дочери-инвалиде и проблемном сыне, полагаясь на помощь ближайшей подруги Кейт. Проходит пятнадцать лет, и Эндрю издает книгу о невероятной истории дочери, несмотря ни на что научившейся общаться с родными, а новый муж Кейт, голливудский продюсер, решает снять по этой книге фильм — а значит, беглой матери снова придется встретиться со своим прошлым.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© П. А. Смирнов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27113-5

От автора

Мне было уже за двадцать, когда я поняла то, что в этой книге обнаруживает моя героиня Кейт: невозможно говорить об инвалидности как о типичном опыте. Это настолько широкое понятие, имеющее самые разные значения для разных людей, что иногда бывает трудно найти того, чья точка зрения соответствует твоей собственной. В этой книге Кирсти, дочь Кейт, рождается с настолько редким наследственным заболеванием, что у него даже нет названия. Так случилось и в нашей семье, когда в начале восьмидесятых мой брат появился на свет с генетическим нарушением, которое не получило названия до сих пор. Мы даже не знаем, есть ли в мире еще кто-то с таким же нарушением, и от этого становится намного сложнее найти понимание или объяснить людям, насколько глубоко нарушения его здоровья, что и сейчас, в возрасте под сорок, ему требуется почти круглосуточный уход и что нет, это вовсе не похоже на синдром Дауна, хотя он и предполагает наличие целой лишней хромосомы, а у моего брата — только инверсия половины одной из хромосом. Он никогда не

сможет ходить, говорить или самостоятельно питаться, и мы даже не уверены, понимает ли он, кто мы такие. Нам, его братьям и сестрам, пришлось осознать, что любой из нас может носить в себе эту болезнь, что серьезно осложняет принятие решений о рождении собственных детей, и что все это напоминает ужасную лотерею: кто-то в семье может тяжело болеть, кто-то — стать носителем, а кого-то может и вовсе не задеть. Чувство вины, боль, закрытость, утраты — я испытала это все. Также верно и то, что даже в одной семье люди могут очень по-разному воспринимать один и тот же опыт. И что, если попытаться проявить отрицательные эмоции по этому поводу, особенно в католической среде, где выросла я, можно столкнуться с осуждением, злословием и изоляцией.

Опыт моей семьи оказался трудным — мы годами заботимся о человеке со множеством сложных и необычных потребностей, даже не зная, способен ли он нас узнавать, и не имея возможности помочь, когда он страдает от боли, о которой не может рассказать. Покинув свой дом в Ирландии, я поняла, что не каждому доводится испытывать подобное и что даже люди с серьезными проблемами со здоровьем могут жить полной и счастливой жизнью и дарить радость своим семьям. Для меня это оказалось неожиданностью и только усугубило чувство вины и несправедливости оттого, что даже в этом замкнутом мирке существуют разные уровни сложности. В этой книге я постаралась немного отразить

состояние дефицита радостей в жизни, но при этом показать более неоднозначную и обнадеживающую картину, чем та, которую наблюдала сама как сестра. Эта книга показывает только одну конкретную ситуацию инвалидности. Она может не соответствовать вашей. Я намеревалась пролить свет на жизнь семей вроде моей и вроде той, которую я описываю в этой книге, которые нередко годами борются почти без поддержки, терзаемые любовью и болью. Надеюсь, кто-то увидит в ней опыт, который найдет отклик в его душе.

Кейт, наши дни

Начнем историю ближе к концу. Женщина сидела за рулем машины. Как и на всех в этом городе, на ней были джинсы, кеды, солнечные очки и черный джемпер (она никак не могла привыкнуть называть его свитером), хоть день выдался жаркий. В этих местах всегда было жарко. Волосы у нее были светлые, хотя раньше их цвет был другим. Она ехала по скоростной магистрали Лос-Анджелеса, перестраиваясь из ряда в ряд и словно не видя другие машины, и казалось, что рев клаксонов и мелькающие в считанных сантиметрах бамперы других машин были ей привычны. Она съехала с автострады, повернув разом через две полосы, и поехала по извилистой дороге, даже не взглянув на город, раскинувшийся внизу в дрожащем мареве. То тут, то там виднелись склоны, выжженные прошлогодними лесными пожарами, и в любой другой день она не смогла бы смотреть на них, не ощущая того холодка в душе, ужаса перед стихией, бушующей почти на пороге твоего дома и продолжающей двигаться. Дома по обе стороны дороги были большие, причудливой архитектуры и словно утопленные в склонах

холмов, наполовину погруженных в тень, а наполовину залитых ослепительным солнцем. То тут, то там зимородковым крылом мелькали бассейны, но и их она не замечала. Слишком уж сильно злилась. Дальше по извилистой горной дороге, на которой она жила. Пульт, открывающий ворота, уже наготове — в этом городе нет нужды выходить из машины. Ворота открылись с легким щелчком, и она подъехала к приземистому белому дому, окруженному ароматными розовыми цветами. Дома!

Она пронеслась по дому, стуча каблучками по холодным плиткам и чувствуя, как прохладный кондиционированный воздух легонько треплет ее дорожку прическу.

— Конор! Конор!

На лестницу вышел мужчина, явно недовольный вторжением. Он был высокий и поджарый для своего возраста, а было ему, как и ей, пятьдесят. Его светло-рыжие волосы были уже не такими яркими, как в молодости.

— Ты уже дома?

— Нужно поговорить.

Она достала из сумочки телефон и пожалела, что под рукой нет ничего менее хрупкого, чтобы швырнуть к его ногам. Дурацкий мир без бумаги!

— Я тут кое-что увидела в ежедневной рассылке от «Вэрайети». Ты купил права на экранизацию? Хочешь снять по этой книге фильм?

Уже произнося эти слова, она подумала, что, наверное, совершает ошибку. Разве он сам не

рассказал бы ей об этом, если бы это было правдой?

— Это... это ведь что-то другое? — Она еще не могла опомниться. — Это же не о... Не о том, о чем я думаю?

Он начал спускаться, ступенька за ступенькой, с нарочитой медлительностью.

— О твоей дочери.

Непривычно было слышать это слово из уст Конора — тефлонового человека, к которому не приставали понятия семьи, духовной близости, ответственности.

— Почему?

— Ты знала, что твой муж написал о ней книгу?

И снова — слова, подразумевающие человеческие отношения, которых больше не существовало. Она не виделась с Эндрю уже пятнадцать лет, и слышать, как его называют ее мужем, было все равно что получить пощечину.

— Ты мой муж.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, не глупи.

Он посмотрел на нее, вскинув брови, и она сразу узнала этот взгляд: он ждал, пока она успокоится и начнет мыслить рационально.

— Конечно же, я не знала, что он написал книгу. Он вечно пытался, но мне казалось, что он никогда ничего не доведет до конца.

Даже сейчас, увидев книгу собственными глазами, она не могла в это поверить.

— Так вот, он написал. Воспоминания о ней.

Казалось, что все происходящее — сон, в котором люди, которые никак не могут знать друг друга, прохаживаются по одним и тем же воображаемым пространствам.

— Зачем? И ты купил на нее права?

— Ты сама видела анонс, — пожал плечами он.

Но она все равно не понимала — даже без всякой связи с ней, до неприличия болезненной, чем его могла так заинтересовать эта история?

— Кто захочет смотреть... такой фильм?

— Ну, вот именно. Понимаешь, она же научилась говорить. Вообще-то, это отличная история.

Мысленно он уже приступил к написанию синопсиса. Она это видела — трогательная драма, победа надежды над отчаянием, борьба наперекор всему... Кейт злилась так сильно, что гнев выплескивался сквозь защитный панцирь, который она отрастила много лет назад, чтобы сохранить разум и жизнь. Земля ходила ходуном под ее ногами, хотя и не в буквальном смысле, что нередко случается в Лос-Анджелесе, но это было еще хуже.

— Она не может говорить. Ты ошибся. Господи!

— Не веришь мне — прочитай сама.

Поведение Конора сбивало с толку — казалось, она вызывала у него раздражение, словно это не он только что совершил поступок, потрясавший самые основы их совместной жизни.

— Ты в самом деле решил это сделать, — тихо сказала она. Снять фильм о ней. О ее семье. О том, что она сделала.

Конор сделал неопределенный жест.

— Завтра я лечу в Лондон подписывать контракт.

Потом Кейт лежала на кровати поверх идеально разглаженного белого одеяла. Над головой, несмотря на наличие кондиционера, вращались лопасти потолочного вентилятора — это было дизайнерское решение. Она пыталась проработать произошедшее, как учила ее психотерапевт, жившая в Санта-Монике в дорогом доме, оплаченном несчастьями блистательных обитателей Голливуда. Лежа в своей опочивальне кинозвезды, куда Конор даже не заходил, она чувствовала, как внутри нее движутся и сталкиваются тектонические плиты. Ей всегда казалось жестоким, что человек не может сбрасывать воспоминания так же легко, как отмершие клетки кожи, и, хотя нынешнее тело уже совсем другое, чем то, которое переживало предыдущие события, все равно приходится помнить все, что с тобой было. Все по-прежнему оставалось с ней: Эндрю, Кирсти, болезненная мешанина эмоций, и у каждой было свое имя. Оливия, Эйми. Дэвид. И Адам. Ему должно быть уже двадцать два. Мужчина. Именно за Адама она боялась больше всего, лежа на кровати, глядя, как сгущаются сумерки, превращаясь в лос-анджелесскую ночь, воющую, словно койот, и тряслась от осознания, что прошлое все же настигло ее.

Кейт, 2002 год

В день, который оказался последним, Кейт проснулась рано. Она поставила будильник, чтобы оставить в запасе несколько часов на уборку в доме. Эндрю спал посреди кровати, приоткрыв рот и чуть сопя от разыгравшейся аллергии. Она решила, что сегодня не станет на него злиться, и, чтобы подтвердить самой себе это обещание, легонько поцеловала его холодный лоб, подумав при этом, что иногда проще любить спящего человека, который беззащитен и неподвижен. Эндрю даже не шелохнулся. Она запахнула на выпирающем животе шелковый халат, чувствуя его прохладные складки. День обещал быть чудесным, солнце уже пробивалось золотым светом сквозь шторы. Погода в Англии в мае переменчива, но в день рождения Кейт она всегда была хорошей, а сегодня ей исполнялось тридцать. Она добралась до финишной черты капризных двадцатых, и у нее было все, чего она хотела от жизни. Во всяком случае, был Эндрю — добрый и любящий человек с хорошей работой. Красивый и гостеприимный дом, который сегодня предстояло впервые показать гостям, двух-

летний сын и еще один ребенок, который должен был родиться через месяц.

На работе она стала хотя бы изредка попадать на экран, освещая некоторые местные новости, пока Кьяра, основной репортер, была в отпуске по уходу за ребенком (ирония судьбы — как часто одной женщине приходится уступать место другой из-за беременности, а теперь настала и ее очередь дать дорогу кому-то еще). Но через полгода она вернется, чтобы вновь взяться за работу, а через год-другой, когда Мэри-Энн наконец решит уйти на покой, станет ведущей. Что еще остается? Может быть, найти себе хобби, научиться делать свечи, фигурки для украшения тортов, собирать букеты. Привести в порядок сад. Теперь, когда главные проблемы решены, у нее появится время. Открыть новые грани своих талантов, отточить старые. Стоя в тихой спальне и разглядывая свой силуэт в зеркале, Кейт позволила себе отправить небольшой лучик радости чуть ниже ребер, где лежал младенец, и ответный слабый удар ножки заставил ее вздрогнуть. Это было чудо, настоящее чудо, даже несмотря на изжогу и боль в ногах и спине. Она приучила себя воспринимать все это с благодарностью.

С душем она решила повременить, чтобы быть как можно свежее к приезду гостей, поэтому бесшумно вышла в коридор и открыла дверь в комнату Адама, надеясь, что он все еще спит, как и его отец. Он молча стоял, вцепившись в перекладины своей кровати.

— Привет! — удивленно сказала Кейт. — Ты уже сам просыпаешься?

Каким же он был красивым ребенком — с ярко-голубыми глазами, блестящими черными волосами и румянцем на щеках, которые она так любила гладить. Конечно же, она гордилась сыном. И надеялась, что сегодня он будет вести себя прилично и не устроит одну из тех истерик, за которые ей всегда было так неудобно.

Адам ничего не ответил. Он еще почти не говорил, и хотя Кейт решительно заявляла, что беспокоиться не о чем, это ее тревожило. Мокрым подгузником не пахло, ребенок не плакал. Правильно ли будет оставить его ненадолго одного, чтобы просто насладиться тишиной, прибраться в доме?

— Мамочка скоро вернется, — сказала она и выскользнула из комнаты.

Адам не произнес ни звука. Возможно, он наконец-то начал становиться не таким навязчивым.

На кухне она наклонилась, чтобы подобрать разбросанные игрушки, и поцокала языком, увидев грязную кружку и тарелку, которые Эндрю оставил на кофейном столике с вечера. Он что, переломился бы донести их до раковины, раз уж все равно прошел через всю кухню, чтобы лечь спать? Но нет, она не будет с ним ссориться. Только не сегодня. Он так много работал, каждый день ездил в Лондон и обратно в битком набитых поездах, постоянно на ногах. Она не станет кричать на него из-за грязной

кружки. Она будет милой Кейт, любящей женой и доброй мамой. Преисполнившись чувством собственного благородства, она взялась за дело.

Дом сверкал чистотой — накануне в семь часов вечера она уложила Адама в кроватку и принялась изо всех сил наводить чистоту, несмотря на просьбы Эндрю сесть и «относиться к этому проще». Ей хотелось сказать, что только один человек в доме мог относиться к этому проще, и это была явно не она. Но теперь она понимала, что усилия того стоили: встать и увидеть, что все вокруг сияет и пахнет воском, а в вазе из толстого стекла распускаются лилии, которые Эндрю считал причиной своей аллергии. Кейт открыла холодильник, разглядывая затянутые пищевой пленкой миски и тарелки с едой, приготовленной накануне. Она решила обойтись без завтрака — мысль о том, чтобы нарушить стерильную чистоту кухни, была невыносима. В голове она прокручивала воодушевляющие сценарии, как прибывают гости, как они говорят: «О, Кейт! Как здесь здорово! Кейт, у тебя такой цветущий вид! Как вкусно! Какая замечательная вечеринка!»

Она вновь оглядела дом — чистые паркетные полы, вымытые с шампунем ковры и диван, ни единой пылинки на мебели, картины, которые она развесила сама, устав ждать, пока Эндрю возьмется за молоток, — и подумала: «У меня получилось! Готово! Я победила!»

* * *

Эндрю проснулся в половине десятого и тут же начал стонать.

— Кажется, я простудился. Что-то худо себя чувствую.

Ох уж этот Эндрю со своими простудами! Даже от пациента с лихорадкой Эбола не услышишь столько жалоб. Но работа требовала от него огромных усилий, и нужно было проявлять понимание. Во всяком случае, ей приходилось повторять себе это по несколько раз на день.

Кейт стояла у раковины и мыла миски из-под только что взбитых сливок. Желе застывало, салаты охлаждались в холодильнике. Ей хотелось, чтобы, когда гости войдут в дом, все выглядело идеально, а он тут принялся рыться в ящиках и колдовать с лекарствами от простуды, рассыпав сладкий мелкий порошок по столу.

— Может быть, уберешь пакет обратно?

Она вытерла порошок и отжала тряпку. Эндрю, поморщившись, прислонился к столу и выпил лекарство.

— Ты уже снял батут с чердака?

Она знала, что он этого не сделал.

— А... Да, сниму.

Он снова уткнулся в «Блэкберри» — что-то вроде навороченного пейджера, самое бесчеловечное устройство в мире. Когда этот предмет оказывался в руках у Эндрю, жена, ребенок и дом переставали

для него существовать. Иногда ей казалось, что стоило бы придумать функцию, которая могла бы выводить на экран ее слова: «Установи уже чертов батут. Спасибо. Пока».

Она натянуто улыбнулась.

— Спасибо. Просто... постарайся сделать это до начала вечеринки.

Она была Дорой Кейт, участливой женой, любящей матерью, успешным репортером. Это все было о ней. Не стоило злиться по пустякам.

Из соседней комнаты раздался какой-то треск. Молчание Адама, которого она оставила перед телевизором, не предвещало ничего хорошего. И снова она, на восьмом месяце беременности, подождала, не заметит ли муж. Не заметил.

— Не принесешь его, милый? Пожалуйста!

Эндрю еле оторвал взгляд от экрана, но тут же вернулся к нему, словно экран держал его как рыбу на крючке. Он был весь в работе — она почти чувствовала, как у него сдавливает грудь при виде сообщений, которые требовали ответа даже в субботу. Кейт не собиралась сегодня ссориться. Это был ее день рождения. Она была уже на последней стадии беременности, которая еще позволяла делать ей хоть что-то, и, если он не сможет помочь, то ей придется в одиночку устраивать вечеринку для трех десятков взрослых и детей. Конечно, она могла с этим справиться. Просто она не понимала, почему должна была это делать.

* * *

Первой приехала Оливия. Она предложила приехать пораньше, чтобы помочь, но Кейт подозревала, что на самом деле ее коллега часто просто чувствовала себя одинокой. Она знала, что Оливия переехала в Бишопсдин из Лондона, когда нашла работу в региональном офисе Би-би-си, и городок, полный мамочек, устраивавших заторы из колясок в проходах магазинов, оказался не лучшим местом для одинокой молодой женщины.

Она открыла дверь и чуть наклонилась, чтобы живот не мешал ей поцеловать воздух возле щеки Оливии.

— Рада тебя видеть!

Кейт ощутила, как надвигается то противоречивое чувство, которое возникало всякий раз, когда она тратила несколько часов на организацию праздника. Она стояла, оглядывая батарею винных бутылок, еду, разложенную по красивым тарелкам, воздушные шары и цветы и спрашивала себя: зачем они приходят? Почему она должна развлекать этих людей? Хотелось убежать наверх, прихватив с собой праздничный торт. Но Оливия была рядом, а значит, нужно было держать приветливую улыбку.

— Боже! Как здесь красиво! Не знаю, как у тебя получается...

Оливия скинула длинный кардиган с худых белых плеч. Она казалась такой крошечной рядом с Кейт. Но это было нормально. После рождения ребенка

Кейт пойдет в зал и, как пишут в журналах, приведет себя в форму.

— Легко, — соврала Кейт. — О... Не стоило...

Оливия принялась выгружать подарки из хозяйственной сумки — розовую орхидею, запотевшую бутылку просекко и букет белых роз в фиолетовой оберточной бумаге. Слишком много всего. Бесит.

— Это тебе. — Цветы. — И кое-что для Адама на случай, если он решит, что ему уделяют недостаточно внимания с новым ребенком и всем прочим. — Что-то небольшое, завернутое в салфетку.

— Как мило с твоей стороны.

Это был намек, что Кейт стоило бы самой купить что-нибудь для первенца? Ей была ненавистна мысль о том, что она что-то делала не так, где-то ошибалась. Ее охватило легкое беспокойство, как и всегда в присутствии Оливии. В доме этой женщины детей не было, но она все равно была матерью. Иногда Кейт задумывалась, не по этой ли причине Оливию, несмотря на все пирожки и самодельные открытки, недолюбливали коллеги по телестудии. Никто толком не знал, к какой категории ее отнести. Конечно, ходили слухи о том, почему девочка — совсем малышка — не жила с Оливией. Но Кейт приходилось быть вежливой. Едва ли легко жить вдаль от ребенка, хоть Кейт иногда и представляла себе, как отправляется в длительный отпуск на курорт в полном одиночестве.

— Может, сама подаришь это Ади? Он еще в кровати, а мне самой его на руки не поднять.

— Конечно.

Как всегда внимательная, Оливия понеслась в детскую, и, вновь ненадолго оставшись одна, Кейт провела ладонью по лилиям и накрытой пленкой тарелке с мясной нарезкой. Волнение перед вечеринкой вступило в полную силу. Вдруг больше никто не придет? А вдруг придут, но не поладят между собой? Вдруг праздник никому не понравится и во всем обвинят ее?

Раздался звонок в дверь, и сердце екнуло.

— Лив? Ты не откроешь?

Ответа не последовало, наверху стояла тишина. Кейт сама поплелась к двери, с трудом преодолев десяток шагов. Звонок прозвенел снова, и она растянула губы в улыбке. На пороге стояли Крис и Келли, чей двухлетний сын Джордан ходил в одни ясли с Адамом.

— Привет! — Келли в тесноватом длинном платье, открывавшем татуировку на ее плече, казалась нервной. — Мы тут принесли... Крис?

— А! — Крис, одетый в рубашку поло и укороченные брюки цвета хаки, неловко протянул бутылку белого вина из супермаркета.

— Как здорово! Здравствуй, Джордан!

Она думала поцеловать малыша, но заметила на его хмуром личике какую-то сыпь. Родители прокололи ему ухо и нарядили в детскую копию формы футбольной сборной Англии — черт бы побрал этот чемпионат мира! Да еще и синтетика в такую жару!

— Проходите!

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

КЛЭР МАКГОУЭН
ЭТО МОГЛИ БЫТЬ МЫ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.11.2024.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 28,56. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филлиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-GRR-36116-01-R